

И.И. Мурзак

Сон в романах Гончарова

В произведениях русской литературы XIX столетия обнаруживается задействованность широкого спектра функций сна как композиционного элемента. В романах Гончарова поэтика сна выступает либо в метафорическом плане, «расшифровывая» внутренний мир персонажа, либо предопределяет дальнейшие события. Татьяне Марковне Бережковой снится поле, покрытое белым чистым снегом, и на нем — одинокая щепка. Мифологема зимы представляется символом непорочности, а щепка — тот грех, который всю жизнь мучает героиню. Сон Марфеньки (статуи в старом доме в Малиновке, которые вдруг приходят в движение) позволяет читателю понять, что для этой героини так и останутся непостижимыми страдания Веры. Статуи античных богинь Минервы и Венеры — это метафорическое представление Марфеньки о совершенстве, «святости» сестры и бабушки.

Роман «Обыкновенная история» начинается с показательной ремарки автора: Александр Федорович Адуев «спал, как следует спать двадцатилетнему юноше». Мотив «небодрствования», как показывает дальнейшее развитие действия, становится ведущим в психологической аттестации героя, который не желает выходить из приятного плена мечтательных ожиданий. Он нежится в мире иллюзий, из-за чего безмерно страдает сам и мучает других. Когда же наступает пробуждение от романтических грез, он выбирает тот стиль поведения, который долгие годы исповедовал его наставник Петр Адуев.

Писатель все же не стремится расставить категоричные акценты. В эпилоге Гончаров заставляет читателя усомниться в правильности выбранного Александром пути. Ведь и сам Петр Адуев осознает, подобно «бедному Евгению» Пушкина, что «жизнь как сон пустой, насмешка неба над землей». Рациональное отношение к миру оказалось не менее губительным, чем романтические мечты племянника. Когда, казалось бы, рассудочность восторжествовала над мечтательностью, героя подстерегает кризис самопонимания, в результате чего истинность «миражного» стремления к зыбкой мечте заставляет усомниться в беспорности логики прагматического благополучия.

Особое место в творчестве Гончарова занимает «Сон Обломова». Опубликованный в 1847 году, а затем включенный в роман «Обломов», сон явился композиционным центром произведения. В этом сне полностью отсутствует «миражный» элемент. Д. Лихачев пишет, что «Гончаров и не пытается придать сну Обломова характер сна. Он описывает тот мир, в который переносит нас сон Обломова, но не самый сон». Данный феномен породил смысловые аберрации и позволил уже критике XIX века рассматривать произведение как обличение крепостного права и «порочного круга жизни».

Преодолев диктат социо-критических прочтений, не трудно убедиться, что в пределах отдельных структурных уровней текста его соответствие форме сна все же проявилось. В наибольшей степени — в композиции сюжета. В «Сне Обломова» сюжет не подчинен строгой заданности эпического времени. Переход от одного эпизода к другому часто никак не мотивируется, и именно форма сна «узаконивает» произвольность, с которой одна картина сменяет другую. Именно поэтому такие объяснения, как «потом Обломову приснилась другая пора» или «далее Илья Ильич вдруг увидел себя мальчиком лет тринадцати или четырнадцати», являются подтверждением фрагментарности этого текста.

Одна из обычных функций литературного сна — возможность для героя увидеть себя со стороны: во сне происходит материализация внутреннего мира, душевного опыта героя, и сам герой одновременно оказывается субъектом и объектом сновидения. Ю. Манн в книге «Поэтика Гоголя» замечает, что с этой целью связано введение в повествование субъективного плана того персонажа, которому снится сон. Данный прием ис-

пользуется писателями для «устранения» позиции повествователя. В «Сне Обломова» эти условия не соблюдены. Повествование строится таким образом, что в роли интерпретатора сна выступает не Илья Ильич, а повествователь. Несмотря на то что, как и во всем романе, в «Сне Обломова» повествователь находится вне изображаемого мира и не участвует в сюжетных событиях, тем не менее тон его повествования не нейтрален, за ним угадываются оценки, отношение к тому, что видит герой.

Критическое, аналитическое мышление рассказчика существенно отличается от мифического мышления обломовцев. Как только повествователь оказывается в положении стороннего наблюдателя, оценки даются в соответствии с законами того идеологического, культурного, эстетического контекста, в котором осмысливается обломовский мир. Позиция автора по отношению к персонажам «Сна» часто носит разоблачительный характер. Когда обломовские мальчики нашли в канаве за околицей незнакомого мужика и сообщили в деревне, что они видели какого-то «странного змея или оборотня», то ни у кого этот факт не вызвал сомнения. Но повествователь опровергает эти предположения весьма здравым объяснением: «...найден был лежащий за околицей, в канаве, у моста, видно, отставший от проходившей в город артели, человек».

Оценочность повествовательной интонации потому и возможна, что автор намеренно дистанцируется от мифического взгляда на происходящее, восклицая: «...так сильна вера в чудесное в Обломовке!» Обломовская точка зрения на собственную жизнь все время уличается в том, что она не соответствует истинному положению дел. В итоге мифическая правда обломовского мира рассыпается.

Автор не реконструирует мир прошлого главного героя, а создает мифологический образ «благословенного края», который отчасти является идеалом автора. Но люди, сетует писатель, не осознают своего божественного предназначения, привыкшие к сельской идиллии, они губят жизнь свою в «бесконечном сне».

Неслучайной в этом контексте видится насыщенность сна античными реминисценциями. Писатель остро ощущал свою эпоху как период глубочайших сломов. С Обломовкой для Гончарова уходила в историю не только крепостная деревня, но в известном смысле образ жизни и сознание, развивавшиеся в течение тысячелетий человеческой истории. Обломовцы, по Гончарову, — представители не только русской крепостной деревни, но и всего «древнего» мира. Крестьяне сравниваются с древними греками, няня Илюши — с греческим рапсодом:

«Няня между тем уж... повествует ему о подвигах наших Ахиллов и Улиссов... Она с простотою и добродушием Гомера, с тою же животрепещущею верностью подробностей и реальностью картин влагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни, созданную нашими гомериадами...»

Описанные аспекты сна можно обозначить как конструктивную и органическую составляющую текста. Назначение данного художественного приема в произведении полифункционально. Сон выступает в качестве артефакта (целостный и завершенный результат конструктивной деятельности), способа реконструкции культурной памяти, структуры, обладающей своей метафорической и композиционной целостностью, инициирующей эффект смыслового резонанса между всеми составляющими текста.